

Я УЕДУ ЖИТЬ
В ЛОНДОН

ЭЛЬМА ЛЮМБЕР

18+

Эльма Люмьер

Я уеду жить в Лондон

<https://litres.ru/73728749>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эрика рано потеряла родителей и осталась совершенно одна в этом мире. В один прекрасный день она вытягивает счастливый билет, и её давняя мечта осуществляется: Эрика улетает в Лондон. На чужбине она сталкивается с невероятными поворотами своей судьбы, готова ли к ним героиня?

Эльма Люмьер

Я уеду жить в Лондон

"Любовь — как дерево; она вырастает сама собой, пускает глубоко корни во всё наше существо и нередко продолжает зеленеть и цвести даже на развалинах нашего сердца".

Виктор Гюго

Посвящается той, которая смогла...

Глава 1. Начало

Холодный промозглый ветер небрежно окутывал юные щеки Эрики, словно напоминая ей о том, что есть «внешний» мир, но она уже была глубоко погружена в свои мысли. Она шла по улице, не обращая внимания на людей вдоль остановки, грязно-желтую листву с россыпью бордово-красных пятен, шуршащих под ногами, мелкий дождь, насквозь пронизывающий её тонкую куртейку. Длинные тёмные волосы забились у воротника и щекотали пухлые губы девушки, она убрала тоненькими пальчиками непослушные волосы и остановилась. Реальность возвращалась. Что же ей делать? Как дальше жить, ведь она сама сейчас словно потеряна в этом осеннем пейзаже и колыхается как осенний лист на ветру, цепляясь за жизнь.

Ей снова, как в детстве, хотелось погрузиться в мир фантазий, чтобы уйти от реальности, но реальность накаленным железным прутом била по ней. Она была одинока во всем мире и твердо решила создать свой мир, в котором есть её ценность.

Во дворе стоял 2010 год. Она прошлой весной окончила школу, и казалось, что впереди яркое студенчество, целый мир открыт для достижений и впечатлений. Но не все рож-

даются с золотой ложкой во рту, некоторым не положено и деревянной. Деньги... как много они значат в этом мире.

В животе заурчало, пошарившись в кармане, Эрика нашла монеты – 22 рубля. Вздохнув, она решила потратить эти деньги на проезд до своей тётки, может быть, в её просторной квартире найдётся место и для неё.

Добравшись до пригорода, и миновав обшарпанные двери многоэтажного квартирного дома, Эрика неуверенно постучалась в железную дверь тёткиного жилища, эхо от стука разлеталось по всему подъезду вплоть до верхних этажей.

Железная дверь лязгнула и с грохотом открылась, откуда высунулось продолговатое, заметно уставшее лицо тётки Степаниды. Степанида являлась родной младшей сестрой матери Эрики, но они никогда нормально не общались.

– А, это ты? – выдохнула холодно Степанида, и отворила шире тяжёлую дверь. Перед лицом тётки застыло бледное лицо племянницы с осунувшимися глазами. На худых плечах лежала поношенная тоненькая куртка, на ногах такие же уставшие джинсы и выдавшие мир серые кроссовки. Окинув равнодушным взглядом еле живой силуэт Эрики, она кивком пригласила её в свою квартиру.

– Заходи, умойся и садись за стол, – тётя была с ней как всегда немногословна, но Эрика была рада, что перед её носом не закрыла дверь.

Степанида знала зачем Эрика у неё, молча налила чай и поставила на стол пару баранок и варенье. Она сама еле тя-

нула концы с концами, оставшись с тремя детьми после скорпостижной смерти мужа. Эрика стянула куртку, чувствуя, как отогревается её тело, юркнула в ванную мимо племянников, галдящих в небольшой гостиной, и вернулась обратно на кухню. Степанида готовила ужин.

Стены кухни, обклеенные зеленоватыми обоями в мелкую полоску, начали уплывать, Эрика снова погружалась в свои мысли, но сиплый, прокуренный голос тёти вытянул Эрику из этого состояния.

– Такая же странная, как и твоя мать, – раздражённо буркнула Степанида, сверля её своими глазами, которые едва виднелись из-под впалых век, – такая же недалёкая и выросла. 19 лет, учится она, да брось ты этот университет, сдался он тебе! Иди работай, хоть полемойкой! Постоянно собралась ко мне навевдываться? Чай, своих хватает! Ты мне как седьмая вода на киселе.

Эрика сразу поняла намёк, здесь ей не рады, и вернувшись в узкую прихожую, она стала машинально собираться, натянула стоптанные кроссовки, борясь со своей обидой, которая комом застряла где-то в районе горла. Степанида равнодушно бросала тарелки в раковину. Эрика накинула куртку и выскочила на улицу.

Холодный воздух пробирал до костей, обжигал её дыхание, слёзы катились из глаз. Быстро утерев их, девушка побрела по вечерней темноте в сторону остановки, чтобы добраться до общежития. В кармане совершенно не было де-

нег, и как ей дальше жить, она не знала. Эрика глубоко вздохнула, ругая себя, что не доела ту баранку, ведь ей предстояло голодать неизвестно сколько времени.

К счастью Эрики, рейсовый автобус приехал быстро. Она виновато огляделась на водителя и, скукожившись от беспощадного пронизывающего холода осени, села на свободное место и тут же поймала недовольный взгляд от пышной женщины, сидевшей рядом. Женщина, оглядев Эрику с ног до головы, сморщилась. На женщине было явно добротное, тёплое пальто, хорошие новые сапоги, и размер её тела говорил о том, что она явно не голодает. Эрика же теперь, на фоне недовольной дамы, выглядела как обглоданная кость. Покосившись на её красную губную помаду, обильно намазанную на тонкие губы, заметно выходя за контур, Эрика отвернулась от неё, и уткнулась взглядом в запотевшее окно.

Автобус, грузно чахнув выхлопными газами, помчал по своему маршруту. За окном промельками мелькали огни маленького провинциального города. Эрика всю дорогу чувствовала внутреннее напряжение и давящее чувство вины от того, как собиралась поступать. Дама рядом не давала ей расслабиться, считая необходимым вновь и вновь окатывать Эрику пренебрежительным взглядом и охать недовольно. Кто-то через весь салон крикнул: «На студгородке, пожалуйста!». Сердце Эрики затрепетало в груди, и она, задержав дыхание, рванула с места, как только двери автобуса отвори-

лись.

– Держите эту бессовестную! – завопила та грузная тётка. Эрика неслась по плохо освещённому тротуару так, словно от этого зависела её жизнь. Люди на остановке оборачивались вслед её убегающему тонкому силуэту. Противный голос дамы с автобуса, продолжающей ещё верещать, отдалялся. Эрика завернула за угол многоквартирного дома и остановилась, переводя дыхание. Она заметила, как автобус уехал. Убедившись, что за ней никто не гонится, она сползла по холодной кирпичной стене и зарыдала, от гложущих её чувств несправедливости, к которым добавилось ещё и чувство стыда от того, что она не смогла заплатить за проезд.

Дела в университете шли тихим шагом. В прошлом августе, как только она окончила 11-й класс, Степанида согласилась приютить Эрику у себя на время, пока она поступает. Но по городу водить наотрез отказалась. Так Эрика оказалась в небольшом провинциальном городке, располагавшемся на севере России, выехав из своей деревни с населением в 500 человек.

Эрика сидела на последнем ряду аудитории, которая полукругом, словно колизей, опоясывала помещение, а последние ряды тянулись вверх. Она не понимала, что делает здесь, ряды нынешних второкурсников заметно поредели, в группе у неё осталось одиннадцать девушек, включая Эрику, и семь парней. Учёба не шла от слова совсем, добавившиеся

предметы в виде начертательной геометрии, которые добавили новые проблемы для неё, нужно покупать разные карандаши, ватманы, тубусы. У Эрики не было возможности всё это купить, и учёба пошла по наклонной: она безуспешно пыталась сдать сессию, но пара незачётов лишила её стипендии. «Хочешь сдать – плати», – равнодушно ответила педагог по геометрии, подправляя свою прожжённую химией шевелюру. Он её несло духами, обильно набрызганные на себя, и запах забивался в нос, выдавая откровенную дешёвизну. «Мне нечем» – в отчаянии пробормотала Эрика, смотря прослезившимися глазами на кофту педагога со змеиным принтом. «Мне нечем тебе помочь, мир устроен так, кто сильный, тот и выживает. Покиньте кабинет» – равнодушно констатировала женщина, разглядывая Эрику через полукруглые линзы очков и отвернулась. Сердце Эрики ухнуло вниз.

Так не могло продолжаться долго. На одной чаше весов учёба в месте, которое она не любила всей душой, а на второй – её жизнь и базовые потребности.

Шагая по тротуару и разглядывая на старых. Облезлых рекламных щитах обрывки объявлений, небрежно наклеенных друг на друга, Эрика заметила свежую листовку, которая глаголила о том, что в языковую школу требуется уборщица. Она не раздумывая, быстро набрала номер на своём стареньком смартфоне. Голод становилось невозможно терпеть.

– Алло, – раздался на том конце бодрый голос девушки.

– Здравствуйте! Я по объявлению. Хочу устроиться к вам уборщицей.

– Добрый день! Приходите пожалуйста по адресу: Павлова, 18, офис 332. Языковая школа «Лингвист». Сегодня сможете до 18:00 подойти?

– Да, – живо отозвалась Эрика.

– Отлично. Подходите. Ваши данные, имя и фамилия?

– Эрика Багрова.

– Подходите, Эрика. Буду вас ждать.

Языковая школа «Лингвист» находилась в офисном здании совсем недалеко от общежития Эрики. Обрадовавшись столь удачному стечению обстоятельств, она направилась туда. Петляя по просторным коридорам здания, она наконец нашла ту дверь, которая была нужна.

– Я по объявлению, – стараясь придать голосу больше уверенности, выдала Эрика.

– А, вы быстро, Эрика? – улыбнулась ей светловолосая девушка, – меня зовут Любовь Альбертовна, но можно просто Люба. Присаживайтесь.

Она указала на кресло. Эрика села, в ожидании от Любы любой информации. Ей была нужна эта работа.

– Мы расширились, появился ещё один филиал, и после учебных групп совсем не стало времени для уборки. Уборка 3 раза в неделю в этом офисе, вечером, после 18:00, 2 раза

в другом офисе. Он в центре. Оплата раз в неделю, по 150 рублей за уборку. Согласны?

– Да, – без раздумий ответила Эрика, радуясь своей удаче.

– Хорошо, – улыбнулась Люба, крутя в руках карандаш, – завтра прошу приступить. Как раз понедельник. Новая глава жизни с понедельника! – улыбнулась она.

– Замечательно, Люба! Спасибо, буду завтра! – Эрика вдохновлённая выскочила из офиса. Коленки тряслись. На тусклом экране телефона засветилось сообщение от банка, Степанида перевела ей 500 рублей.

– Сегодня явно мой день, – улыбнулась Эрика и поспешила в продуктовый. Сегодня она поест, а через неделю получит первые заработанные деньги.

Так пролетел месяц. Эрика всё реже посещала университет и всё больше увлеклась английским языком. Ванесса, мама Эрики была преподавателем по английскому языку, и английский у них дома был вторым языком для общения. Сейчас же, работая в офисе, где обучали английскому, Эрика получила доступ к книгам и, завершив уборку, иногда засиживалась до глубокой ночи, читая их.

Во второй офис она иногда ходила пешком, денег, заработанных в офисе, едва хватало на продукты. В этот вечер, она шла вдоль тротуара, только миновав длинный мост, разделяющий городок на две части, и услышала за спиной визг тормозов.

– Эрика! Садись в машину! – обернувшись, Эрика увидела лицо Любы, высунувшееся в открытое окно. Она была за рулём свеженькой иномарки, одетая в замшевую дублёнку и смотрела на неё беспокойным взглядом.

Эрика села на переднее свободное сиденье. Люба ошарашенно посмотрела на её тонкую куртку.

– Эрика, с тобой все в порядке? – тихо спросила она. У Эрики давно так тепло не спрашивали ни о чём, и неизбежное горечь утраты, которое она как следует не полелеяла, поднялось из глубин души, и Эрика дала волю слезам. Дождавшись, пока всхлипы девушки уменьшатся, Люба погладила Эрику по плечу и выдохнула, – я замечала, что ты постоянно в одной и той же одежде, но чтобы в октябре, в Сибири, ходить в такой тонкой куртке! Эрика, тебе совсем некому помочь?

Эрика покачала головой. Слезы все текли. Если бы мама была жива, ей не пришлось бы столько пережить. Эрике казалось, что она одна во всём мире, и давно погрязла в своём одиночестве.

– Мама меня поднимала одна и умерла три года назад. Бабушка ушла в прошлом году. Осталась только одна тётя, но у неё своих там трое, – сознание Эрики наконец прояснилось, пролив все невыплаканные как следует слёзы. На душе стало на крошечку теплее.

– А ведь же есть какие-то выплаты по потере родителей, – пробормотала неуверенно Люба с жалостью смотря на то-

щую фигуру Эрика, облаченную всё в те же джинсы, стоптанные очень дешёвые сапоги и тонкую куртку. Только шапка была более менее тёплой.

Эрика едва перевела дыхание, она давно так не ревела после того случая, как выбежала из автобуса, не имея возможности оплатить за проезд. Люба остановилась возле второго офиса, куда направлялась Эрика, чтобы помыть полы.

– Тётя оформила на себя опеку после смерти матери, не знаю, что она сделала, но этих я денег не вижу. Да и мне уже 19, 20 исполнится весной, учёба летит к чертям. Я просто на самом глубоком дне своей жизни, – всхлипнула она, невидящим взглядом уставившись в окно автомобиля.

– Пойдем, – выдохнула Люба и вышла из машины. Они, не нарушая молчания, дошли до офиса, и Эрика приступила к делам.

– Оставь на сегодня уборку и возьми эти пять тысяч, считай их за премию за твою хорошую работу.

Эрика не стала отказываться. Она на чистейшем английском поблагодарила Любу, добавив, что будет стараться усерднее работать. Эрика сильно скучала по прежним бесконечным разговорам с мамой на английском, что сейчас ей было необходимо с кем-то на нём заговорить.

– Эрика! – вскрикнула Люба, широко распахивая глаза от удивления, – да у тебя замечательный английский! А ну давай, ещё скажи что-нибудь.

После пятиминутного разговора на английском, Люба

подскочила к шкафу и, о чем-то бормоча себе под нос, достала оттуда буклет, торжественно протянула его Эрике.

– Что это? – удивилась Эрика, разглядывая изображение Лондона на буклете.

– Твой счастливый билет! – радостно объявила Люба, расплываясь в улыбке, – один лондонский университет ежегодно набирает иностранных студентов на бесплатное обучение, так же предоставляется общежитие и... стипендия! Новый набор стартует в апреле, в июне объявят результаты. Давай подадим твои документы?

Эрика крепко сжимала красочный буклет в руках, уткнувшись в большие часы, изображённые на нём. Некогда Лондон был её заветной мечтой, пока мама не слегла...

– Эрика, подумай, тебе здесь терять нечего. Учёба в этом университете тебе не нравится, хотя ты явно с головой, так выучить другой язык! Родных и близких нет, ты свободна, как ветер! А тут, если плотно подготовимся, ты увидишь эти часы на башне Биг Бен своими глазами! Я училась в Лондоне, потрясающий город больших возможностей!

– Но... – осунувшиеся глаза Эрики загорелись проблеском давно потерянной надежды.

– ...я помогу, – быстро подхватила Люба, – Эрика, это между нами, в августе я продаю этот бизнес и переезжаю к своему жениху в Москву. Я не могу гарантировать, что ты останешься работать здесь, ведь владелец будет другой. Да и постоянно мыть полы ты тоже не можешь, ты ещё так молода,

и вся жизнь впереди!

Эрику впервые за долгое время почувствовала, что сердце встрепенулось в груди от радости.

– Я уеду жить в Лондон! – крикнула она и бросилась обнимать Любу.

Глава 2. Зелёные фонари

– Тогда начинаем, – обрадовалась Люба, обнимая её в ответ. Смотря на неё, такую полную жизненной энергии, с невероятно широкой душой и добрым сердцем, Эрика в этот момент для себя решила, что Люба именно та, с кого она хочет брать пример. Любе было всего 25, а за плечами успешный бизнес, своя квартира. И вот, год назад она встретила импозантного молодого бизнесмена, с которым у неё всё так удачно складывалось, и он ей вскоре сделал предложение. Упускать такую девушку было грехом.

Начались долгие месяцы обучения, Люба подтягивала английский Эрике до совершенства. Эрика посещала все занятия совершенно бесплатно, продолжая по вечерам мыть полы. Она успешно сдала прослушивание по английскому для поступления в Лондонский университет. В июне Эрика съехала из общежития временно к Любе, забрав документы из университета городка.

Июль. Пришло долгожданное письмо из Лондонского университета. Увидев одобрение, Эрика не смогла дальше

его прочитать из-за захлестнувших её эмоций: буквы на мониторе ноутбука поплыли, и из глаз девушки брызнули слезы. Она бесконечно обнимала Любу, благодаря её за всё.

– Ну ты чего, Эрика, я всего лишь дала тебе возможность, а ты сама её и осуществила. Поздравляю, дорогая моя, ты это заслужила! И вскоре ты окажешься на Британской земле!

И Эрика полетела в Англию, навстречу новой жизни. Оказавшись в крупнейшем международном Лондонском аэропорту, Эрике захотелось ущипнуть себя, настолько все казалось её нереальным. Она в Англии! За панорамными окнами виднелись самолёты, здания, люди, но от волнения Эрики, всё смешалось в одно пятно, только раздавался гулкий стук её сердца, как казалось девушке, по всему аэропорту.

Подправив тонкую кофту на пуговицах, отданную Любой, Эрика побрела по указателям. Багаж её состоял из одного небольшого чемодана, в котором находились вещи, отданные Любой.

– Ты не можешь ехать в Лондон в этих джинсах и кроссовках, – поморщилась тогда Люба, – выбрось их. Я тебе отдам свои вещи, всё равно поправились, и они на меня не налезают. Пусть они обретут новую жизнь с тобой. Ведь у тебя тоже начинается новая страница в жизни!

Эрика, подойдя к мусорным бакам, замерла, с печалью смотря на свою поношенную одежду, сложенную в пакет, затем она решительно выкинула их. Она прерывисто дышала,

всё ещё стоя рядом с баком, словно прощалась с той жизнью, которая останется здесь, и Эрика уверенно перевернёт эту страницу жизни. И вот она в аэропорту Англии, ищет трансфер, который увезёт её до общежития.

Просторный университетский комплекс был таким же, каким его представляла Эрика: аристократичные здания с несколькими башенками, характерные для британского стиля, арочные окна, длинные коридоры, разукрашенные портретами. Здесь веяло невероятным уютом и культурной идентичностью. Эрика внезапно почувствовала, что она в своей стихии. Всё было ей по нраву. И даже то, что её подсадили в старинном корпусе к трём другим студенткам, чтобы делить одну комнату, нисколько её не огорчило. Наоборот, девушки все оказались русскоязычными, что позволяло им без труда понимать друг друга и те шутки или восклицания, которые можно было понять, только если ты носитель языка. Это давало Эрике ощущение, что она дома, хотя городок остался за 7000 километров.

Просторный университетский комплекс был таким же, каким его представляла Эрика: аристократичные здания с несколькими башенками, характерные для британского стиля, арочные окна, длинные коридоры, разукрашенные портретами. Здесь веяло невероятным уютом и культурной идентичностью. Эрика внезапно почувствовала, что она в своей стихии. Всё было ей по нраву. И даже то, что её подсадили в

старинном корпусе к трём другим студенткам, чтобы делить одну комнату, нисколько её не огорчило. Наоборот, девушки все оказались русскоязычными, что позволяло им без труда понимать друг друга и те шутки или восклицания, которые можно было понять, только если ты носитель языка. Это давало Эрике ощущение, что она дома, хотя городок остался за 7000 километров.

Дни пролетали с сумасшедшей скоростью, и Эрика едва заметила, как наступила зима, за ней каникулы, не успела перевести дух, как весна и конец первого учебного года. В июне, все первокурсники, сдавшие экзамены, были допущены к первой практике. Эрике повезло оказаться в группе с Джессикой, интересной 19-летней девушкой, обладающей каштановыми волосами. Джессика обладала слегка курносый носом, осыпанным мелкими веснушками, которых она до жути стеснялась и обильно намазывала их тональным кремом. За этот учебный год девушки подружились и постоянно проводили время вместе.

– Эрика, ты понимаешь, что нас направили на практику в «RedFilmStudio»? Это же такая акула в сфере кинематографии. Я просто жду не дождусь завтрашнего дня, чтобы увидеть всех актёров! – пропищала Джессика от радости. – Там будет столько актёров, и даже знаменитые. В этой студии идёт съёмка «Я и моя Аннабель», там же снимается сам Томас Милтон!

Эрика лишь радостно улыбалась ей, подпитываемая во-

одушевлением подруги.

– Ничего ты, Эрика, не понимаешь, – протянула слегка с разочарованием Джессика, и достав свой телефон, показала там фото красивого, статного белокурого парня с пронзительными серыми глазами, уверенно смотрящими через экран, с полуголым крепким торсом, на котором красовались кубики, образ был действительно волнительный, – этот красавец завтра возможно будет там! Ох, я запишу от счастья, и постараюсь свалиться ему в объятия, изобразив обморок! Говорят, он очень хорош собой, и высокий, что немало важно!

Глаза у Джессики блестели от волнительного ожидания, а Эрика всё вспоминала, где его видела.

– Где-то он ещё снимался.

– Да! В фэнтези «Потусторонний мир», помнишь? Несколько лет снимали его. Последняя часть вышла вот, чуть больше года назад.

– Точно! – Эрика вспомнила про фильм, она смотрела эти фильмы ещё подростком, последняя часть премьеры стартовала год назад, но она так и не смогла увидеть его. Жизнь её тогда перевернулась так, что стало не до фильмов.

Наутро Эрика и Джессика сидели в автобусе, который помчал их в «RedFilmStudio». Чопорная профессор Линет Паттерсон проводила инструктаж тонким голосом. Её тонкая фигура, облачённая в чёрный лёгкий плащ, стояла у входа в автобус, и верещала для десяти студентов, чья практика на-

чалась.

– Дорогие мои студенты! Нам выпала огромная честь оказаться на съёмках фильма «Я и моя Аннабель», как вы знаете, этот фильм собрал россыпь звёздных актёров, таких как Джек Лори, Анна Грей, Харди Уолберг и Томас Милтон, – на имени последнего актёра девушки в автобусе многозначительно переглянулись, было понятно, кого они будут выискивать в студии, – но имейте в виду, все должны быть как мыши. Это первый день практики, и прошу вас не опозорить достойное имя нашего университета! Все сидим там, куда я вас посажу. Если понадобится наша помощь съёмочной группе, что весьма маловероятно, я дам знать.

Профессор Паттерсон подправила свои почти прозрачные очки «кошачий глаз» и, окинув всех строгим взглядом, села на своё кресло.

Вскоре они оказались на месте, Эрике показалось, что они приехали в слишком невзрачное место, обычную серую многоэтажку.

– Так, ребята, не толпимся как утята, потерявшие ориентир, идём за мной смелее! Пять дней мы будем находиться в этом месте, это корпус бизнес-центра, именно здесь проходят часть съёмок, – объясняла попутно профессор, снимая свою элегантную шляпку.

Эрика и Джессика удачно оказались первыми и заняли два стула, откуда хорошо виднелась зелёная съёмочная площад-

ка, а вокруг стояла темнота, куча техники, проводов и вечно куда-то спешащих работников. До студентов никому не было дела, их почти никто не замечал. Четыре часа тишины на стульях изрядно всем надоели, студенты наблюдали за актёрами, которые из дубля в дубль внимали одну и ту же сцену с разных ракурсов, смотрели на монитор, бесконечно нахмуренно о чём-то рассуждали и снова снимали.

– Какая скучная у нас будет работа, – выдохнула Джессика, уже устав от монотонного сидения, – я скоро к этому стулу приросту, и моя попа сплющилась уже! Когда запустят Томаса и Джека? Хоть на них посмотреть...

– Джека? – спросила Эрика, которая тоже устала просто сидеть, равнодушно смотря на всё вокруг. Её утреннее волнение улетучилось.

– Да, он тоже ничего такой, – Джессика протянула экран телефона к Эрике, и она одним глазом взглянула в него на молодого брюнета, который во все свои белоснежные зубы улыбался, держа в руках красную розу. Из одежды на нём были только брюки.

– У них больше идей нет, как фотографироваться полуголыми? – съязвила Эрика.

– Я придумала, пошли в туалет, – не успела Эрика ответить, как Джессика повернулась к профессору, сказала ей, что они в уборную, и подмигнув, встала и пошла в сторону, куда указала Линет. Эрика поспешила за ней. – Поищем их примерные?

– Джессика, нас поймают и вышвырнут из практики, – сердце у Эрики похолодело, когда Джессика радостно пискнула, прочитав имена актёров на двери, и решительно толкнув, зашла внутрь.

Эрика постояла недолго и зашла за ней. Джессика стояла в примерной одна, у железной стойки для костюмов, и хитро улыбнувшись, опасно приблизила свой намалёванный нос к чёрному пиджаку: «Пахнет замечательно!» – выдохнула она. Но тут случилась оказия, которую Эрика никак не ожидала: Джессика так увлеклась рукавом пиджака, что сильно близко поднесла его к своему носу, и толстый слой её тонального крема, которого именно сегодня на лице оказалось больше, чем обычно, остался на чёрном материале пиджака. Они молча застыли, смотря друг на друга глазами, полными ужаса. Эрика живо представила, как их отчитывает куратор, Линет орёт писклявым голосом, что все остальные лишаются практики, и какой ужас, как она летит домой, лишившись студенческой визы, по которой она жила в Лондоне, и снова всплыло сморщенное в презрительную гримасу лицо тётушки Степаниды. За дверь послышались шаги, и Джессика молча юркнула в шкаф, стоявший в углу за дверью, оставив Эрику в одиночестве. Сердце Эрики замерло, дверь отворилась, и на неё уставились серые глаза, полные удивления.

– Вы кто? – спросил белокурый светлокожий парень, на вид 25 лет. Это был Томас Милтон, и он действительно был хорош собой. Он зашёл в примерную, миновав застывшую в

ужасе Эрику.

– Прошу прощения, – промямлила она, почти покраснев, – я студентка, у нас сегодня первый день практики.

– А, хорошо, – улыбнулся Томас, обнажая ровный светлый ряд зубов, – тогда помоги мне завязать галстук, никак не могу приноровиться. Сегодня костюмерша наша приболела, пока замену не нашли. Мне скоро на площадку, а этот упрямый аксессуар не поддаётся мне, – он протянул в сторону Эрики галстук красного цвета, – умеешь?

– Да, – пролепетала Эрика, благодаря всех богов, что она умеет завязывать галстук. Она медленно подошла к Томасу, стараясь не смотреть ему в глаза, неуверенно взяла в руки галстук и, сделав еще шаг ближе, перекинула его через шею Томаса. В этот момент их взгляды встретились, она страшно смутилась, увидев так близко эти внимательно следящие за ней серые глаза. Она начала завязывать галстук, пытаясь контролировать свои трясущиеся руки. Вдруг Томас положил свои руки поверх её.

– Ты сильно волнуешься. Это нормально, – тихо произнёс он, не сводя с неё глаз, – успокойся, выдохни. Понимаю тебя, ведь я в свой первый рабочий день едва не свалился в обморок от волнения, – на его красивых губах заиграла обаятельная улыбка. Эрика млела от этой близости. Она улыбнулась ему в ответ, отпуская напряжение.

– Спасибо, – шепнула она, наконец довязав галстук. В этот момент в гримерную вошёл ещё один молодой человек, Джек

Лори.

– Оу, у нас новая костюмерша? Обаятельная, – томно обронил Джек, буравя её зелёными глазами и обнажая зубы белее фарфора, – тогда помоги мне надеть мой костюм.

Эрика застыла, наблюдая, как этот показавшийся надменным парень приближается к тому самому костюму, на рукаве которого красовалось пятно от тонального крема Джессики. С лица Джека мгновенно сползла самодовольная улыбка, заметив пятно.

– Это твой тональный крем? – прошипел он, глядя уже не так ласково на Эрику, которая готова была провалиться сквозь землю. Она бросила жалостливый взгляд на шкаф, где молча пряталась Джессика.

– Тише ты, Джек, видишь же, что на девушке нет никакого крема, зря ты так грубишь, – произнёс уверенно Томас. Эрике в этот момент показалось, что он истинный рыцарь.

Джека казалось, было не переубедить, он стремительно сократил расстояние между ним и Эрикой, пока не подошёл слишком близко и не навис над ней как глыба.

– Точно нет, пятно то потемнее будет, чем её светлая кожа, – промурлыкал он, буравя её оценивающим взглядом, от которого внутри Эрики всё похолодело, – а ты ничего такая, детка. Глазки мне твои нравятся, и эти сочные пухлые губы.

Из игривого давления Джека её вырвал Томас, он схватил Эрику за локоть, приблизил к себе.

– Джек, ищи себе другую костюмершу, эта, как ты заме-

тил, уже занята, – натянул ему улыбку Томас.

Джек омерзительно улыбнулся и покинул гримерную вместе с пиджаком, бросив напоследок Эрике: «Передумаешь, дай знать, для тебя я всегда свободен».

Эрика тяжело выдохнула, вот где разыгрался целый блокбастер, не хватало только съёмочной группы.

– Мне пора, – Томас отпустил её локоть, – а ты держись подальше от этого ловеласа, так будет лучше для тебя, знаешь ли, он умеет вешать девчонкам лапшу на уши, – он подмигнул и вышел. Тут же из своего укрытия вылезла Джессика, которая весело сдавленно хохотнула. Эрика грузно выдохнула, покачала головой, осуждая её, и тоже покинула это помещение.

– Как тебе повезло, ты с ними двумя поговорила, а Томасу завязала галстук, – продолжала расходиться в зависти Джессика, наблюдая за игрой актёров.

– Вот ты и вылезла бы из укрытия, глядишь, отхватила пару слов от них, – зло выдавила Эрика. Её глаза следили за светлой шевелюрой Томаса, который парой минут проведённых рядом смог взволновать её сердце.

– Ты же знаешь, что я не могла! – Джессика надулась, – Джек бы сразу понял, что это мой крем!

– Он бы тебя простил за пару ласковых слов, – не унималась Эрика. Она злилась, что для Джессики вся это ситуация смешная, и даже классная, а для неё всё её будущее. Если

бы не Томас первым зашёл, а Джек, как бы могла ситуация развернуться. Эрике бы точно было не скрыться, тот темноволосый ловелас точно бы поднял вой. А так ему костюм просто заменили, для таких случаев их оказывается запасают несколько штук.

С Томасом Эрика столкнулась под конец последнего дня практики. Он ей ласково улыбнулся и прошёл на площадку для съёмок. Сердце Эрики трепетало, а фантазии рисовали совсем непристойные картины. Практика подошла к концу.

Эрика шла по тропинке в сторону пруда, наслаждаясь последними тёплыми деньками перед зимой. Просторный Гайд Парк, распостёршийся на 140 гектарах, был идеально ухожен. Эрика шла с Маргаритой, которая училась на третьем курсе и была родом из Беларуси.

– Эрика, я хотела тебе предложить работу, – придала Рита серьёзности их болтовне, – ты знаешь, что я перевожусь в другой университет. А я знаю, что ты ищешь работу.

В русых волосах Риты играли осенние лучи лондонского солнца. Она прищурилась и надела очки, закрыв ими свои красивые зелёные глаза. Эрика остановилась, этот разговор действительно обрёл интересный характер.

– У меня есть одна знакомая, Алевтина. Она тоже белоруска, приехала в Англию несколько лет назад и обосновала здесь небольшую клининговую компанию. Я два года работаю у неё. Платит не так много, но на шмот и продукты хва-

тит. А если попадётся крупный клиент, то и хорошие чаевые светят. Университет, куда я перевожусь, находится в другом конце Лондона, и я нашла там другую подработку. А эту предлагаю тебе.

Эрика невольно ухмыльнулась, прищулив свои выразительные карие глаза. Прошлая осень все ещё тяжёлым уроком хранила память о себе. Тогда работа уборщицей дала ей многое, и здесь, находясь в Лондоне год спустя, она стоит перед выбором, идти ли снова на эту работу. Но Лондон – город дорогой, особенно для студентки, у которой нет тыла в виде любящей семьи.

– Хорошо, – согласилась она.

– Замечательно, тогда позвоню Алевтине, и скажу, что нашла себе замену! – довольно расплылась в улыбке Рита.

Алевтина была женщина 42 лет, с выющимися в мелкие кудри рыжеватыми волосами, обаятельной улыбкой и значительным бюстом, любящая обтягивающую тело одежду и высокие шпильки. Сейчас, поверх чёрных чулков, на ней красовалась красная юбка до колен с вырезом сзади и толстенный пояс из глянцевого дермантина с большой серебряной бляшкой. А сверху – однотонная блузка с глубоким вырезом.

– Ну, здравствуй, красавица! – широко улыбнулась она Эрике, – ох, какая статная. Тебя надо будет прятать от клиентов, мне возмущения от их жён не нужны.

Эрика слегка смутилась и невольно бросила взгляд в зер-

кало, висящее на стене. На неё смотрела юная девушка с округлыми бёдрами и сочной грудью. Джинсы с низкой посадкой оголяли её тонкую талию без намёка на лишнее, а шоколадного цвета волосы разрослись до пояса. Люба её перед поездкой в Англию повела в парикмахерскую к своей знакомой, где ей постригли волосы в шикарный каскад. Эта причёска шла к её миловидному лицу. После знакомства с Любой Эрика наконец перестала голодать, и её осунувшееся лицо посвежело, зарумянилось, впалые блёклые глаза засветились, а ключицы перестали так страшно выпирать. Сейчас же на неё в отражении смотрела статная длинноногая пышущая здоровьем девушка.

– Так, к клиенту едем в чем-то неброском, волосы собрать, рот не открывать, не хихикать. Тихо убралась и была такова, понятно?

Эрика кивнула.

– Ой, молодухи, всему вас учи, – проворчала больше для куража Алевтина и сунула ей первый адрес.

В Лондон пришла сказочная зима. Снег обильными пушистыми хлопьями падал на город. Эрика шла вдоль реки Темзы, любуясь величием Тауэрского моста и наслаждаясь относительно тёплой зимой. Она только вышла из кофейни, где позволила себе пирожное, несмотря на цену, и с наслаждением уплела его. На улице толпились туристы, осматривающие мост. Эрика вспомнила себя, как три месяца назад

также стояла, как и они сейчас, разинув рот от красоты.

Её наваждение разрушил рингтон смартфона.

– Эрика, ты родилась под счастливой звездой! – верещала в трубку Алевтина, – ты, детка, принесёшь моей компании богатых клиентов! Именно богатых, с толстенными кошельками и длинными чеками! Ух! Ты не представляешь, от кого пришёл заказ инкогнито, от самого 25 летнего красавчика Томаса Милтона! Я когда поняла кто это, чуть не свалилась в обморок! Звезда Британии! Это какой размах, это какой масштаб! Успех идёт в наши руки, Эрика!

Сквозь радостные вопли Алевтины Эрика пыталась унять своё сердце, услышав имя – Томас Милтон. Вот так неожиданно нежданно негаданно Эрика вновь окажется рядом с платиновым красавцем больших экранов.

«Инкогнито» означались заказы от знаменитостей, к которым клинер приезжал, когда хозяев нет дома, быстро убирался и уходил, чему Эрика обрадовалась. Она не хотела, чтобы Томас видел её с тряпочкой в руках. У Алевтины за её пятилетнюю карьеру, такой заказ выпал шестой раз.

Эрика поехала на автобусе в офис Алевтины.

Усмехнувшись от невероятных поворотов своей судьбы, не забыв поблагодарить от души Господа, она заскочила в офис и выслушав от взбудораженной Алевтины тонну наставлений, поспешила по адресу.

– Везде горят зелёные фонари! Нас благословила сама Удача! – крикнула ей Алевтина вслед, хватаясь за грудь от

приступа счастья.

Эрика неуверенно постучалась в небольшую входную дверь, которая вела на задний двор. Дверь ей открыла небольшого роста старушка, на смуглой коже образовались глубокие морщины, глаза сузились от нависшего века, смотря на эти веки, Эрика невольно вспомнила тяжёлый взгляд своей тётки Степаниды, которой также коснулись возрастные изменения, причём раньше времени, возможно от условий жизни, которые были далеко не лёгкими. «Мексиканка» – сразу подумала Эрика.

– Добро пожаловать, меня зовут Бриджит Габриэль, можно просто миссис Габриэль, – улыбнулась старушка и жестом пригласила вовнутрь дома. Дом был современный, с несколькими комнатами, бильярдной, душевыми. Территория вокруг ухоженная.

Миссис Габриэль готовила Томасу Милтону, стирала белье, увозила вещи в химчистку и забирала. Уборку она перестала делать, ввиду довольно преклонного возраста.

– Библиотека здесь, пожалуйста, сегодня уберитесь здесь, так желал мистер Милтон. А в другие дни – в других комнатах. Он не любит чужих людей в доме и ценит тишину. У вас 2 часа до приезда, – окинув её благородным взглядом, молвила миссис Габриэль, затем удалилась.

Эрика бросив взгляд на удаляющийся силуэт седоволосой горничной, прошла в открытую дверь небольшой библиоте-

ки, которая на первый взгляд была относительно чистой. Дивясь в очередной раз чопорности англичан, Эрика принялась за уборку. Пыли на полках было мало, все книги аккуратно сложены по стеллажам, стоявших вдоль светлых стен. Посередине, на дорогом паркете лежал ковёр, который Бриджит велела не трогать: он привезён из Турции, соткан славившимся ткачом ковров и чистится только в химчистке, и большое уютное мягкое кресло на деревянных ножках, с аккуратно сложенным на нем пледом тёплого зелёного цвета.

Эрика заметила среди книг и русских классиков, чему она была несказанно рада, так как сама любила читать, особенно классиков. Она быстро схватила Пушкина, бегло прочитала письмо Онегина Татьяне и, улыбнувшись от школьных воспоминаний, когда ещё мама была жива и Эрика чувственно рассказывала ей эти строки, вернула книгу на место и приступила к окну. Просторное окно с деревянными подоконниками выходило на центральную часть двора. Эрика, увлечённая разводами на стёклах, не заметила, как приехал хозяин дома. Чёрный спортивный байк заехал через раздвижные автоматические ворота во двор и припарковался у дома. Эрика как раз закончила со стёклами и решила приступить к подоконнику, на этом уборка была бы завершена. Внезапно увидев Томаса, который снимал шлем, обнажая белокурые волосы, она от волнения резво спрыгнула с подоконника и задела своё ведро с водой, которое сиюминутно опрокинулось, разливая по полу воду. Оцепенение сковало её, она

не в силах даже шелохнуться, наблюдала, как мутная жидкость пропитывается в светлый турецкий ковёр. Перед глазами сразу вспыхнула картина: Алевтина, краснее помидора, орет на неё, широко раскрывая рот, непременно угрожая, что потрудится, чтобы больше никто её косорукую не взял на работу, потребует баснословную сумму за испорченный ковёр, и все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.